

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

БИРНБАУМ Х.

О ДВУХ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ЯЗЫКОВОМ РАЗВИТИИ

1. С тех пор как концепция родословного древа и теория волн были признаны несостоятельными, не предлагалось ни одной приемлемой теоретической модели, с помощью которой можно было бы описать (и тем более объяснить) явление языковых изменений. Это утверждение справедливо даже по отношению к таким перспективным принципам изучения языковых изменений, как, например, абдуктивная модель Х. Андерсена [1, 2]. Что касается теории инноваций, распространяющихся от центра известной языковой области к ее периферии, то она представляет собой лишь вариант теории волн.

В последние десятилетия предметом оживленных дискуссий стали дополняющие друг друга понятия дивергенции и конвергенции. В частности, предпринимаются попытки показать, что эти противоположные тенденции развития лежат в основе дифференциации генетически родственных языков и интеграции типологически близких языковых союзов, определяемых на основе пространственных критериев. Однако указанные понятия часто используются настолько механистично, что исключается возможность достижения полного и адекватного понимания чрезвычайно сложных процессов, связанных с изменениями и инновациями на разных уровнях языковой структуры.

Понятие дивергенции, взятое в изолированном виде и доведенное до своего логического конца, при более тщательном рассмотрении мало чем отличается от понятия генеалогического древа, хотя оно и не отягощено ассоциациями с эволюционным учением Дарвина. Дело в том, что дивергенция также предполагает в сущности единый источник (в данном случае праязык) в качестве отправной точки для возникновения и последующего развития ряда производных (в данном случае дочерних языков как членов языковой семьи). С другой стороны, понятие языкового союза, часто называемого специалистами и областью конвергенции [3] (о возможности терминологического разграничения с сохранением термина «область конвергенции» за языковым союзом в зачаточном, неразвитом виде см. [4]), аналогичным образом основано прежде всего на допущении конвергентного развития строя ряда ранее более или менее различавшихся, но территориально смежных неродственных или родственных языков. Путем выравнивания и последующей интеграции некоторых своих важнейших характеристик эти языки приобретают более или менее единообразный типологический профиль.

Даже на основании этих кратких замечаний можно сделать вывод, что концепции и методы, которые принимают во внимание и используют лишь одно из этих понятий, не учитывая одновременного или последующего действия другого фактора, являются односторонними и поэтому не соответствующими действительности. Они, следовательно, не раскрывают, а, скорее, извращают истинный смысл диахронического процесса языкового изменения. Это относится к изменениям как в контексте генетического родства, так и в рамках типологического сходства языков. Как я уже отмечал в других работах [5—7], генеалогическое родство всегда предполагает и типологическую общность, тогда как обратное, по-видимому, неверно.

типологическое сходство (или тождество) не обязательно предполагает происхождение от общего праязыка, особенно если при этом не может быть применен критерий территориальной смежности. Языковое изменение характеризуется постоянным и неуловимым взаимопроникновением дивергенции и конвергенции, причем доминирующим является то один, то другой процесс. В настоящей статье я попытаюсь показать на конкретных примерах сложное взаимодействие этих двух противоположных, но в то же время взаимообусловленных и уравнивающих друг друга тенденций языкового развития.

2. Прежде чем перейти к конкретному материалу, было бы уместно изложить еще несколько теоретических соображений. Одна из наиболее серьезных ошибок, которую совершают при историко-генетическом изучении языков и, в частности, при реконструкции утраченных праязыков, состоит в том, что язык-основу рассматривают как нечто чисто абстрактное, статичное, не подверженное изменению. Конечно, полезно и даже желательно в первом приближении построить теоретическую систему путем ее проекции, так сказать, на одну временную плоскость, пользуясь имеющимися данными. Речь идет как о свидетельствах ранних памятников, так и последующих источников во всем их пространственном и диалектном разнообразии, обусловленном региональными различиями в темпах развития и в плане соотношения архаизмов и инноваций. Такая абстрактная синхронная модель может быть использована в качестве отправной точки при изучении зафиксированного письменностью развития в рамках определенной языковой семьи. Но было бы серьезной ошибкой не сознавать, что самая ранняя теоретически реконструируемая фаза развития определенного языка-предка сама по себе не могла бы являться результатом более или менее длительного развития того же самого праязыка. Другими словами, реконструированный праязык восходит вместе с другими родственными ему («сестринскими») языками (которые сами могут быть праязыками, лежащими в основе какой-либо другой семьи близкородственных языков) к определенному «предпраязыку» (pre-protolanguage) [8, 9]. До распада на несколько относительно обособленных групп или отдельных языков праязык обладал, как правило, своей собственной, внутренне присущей ему динамикой изменения и обновления.

Следует отметить, кроме того, что наличие или отсутствие письменной фиксации праязыка часто является, конечно, чистой случайностью. Так, например, латынь, язык-основа романской семьи языков, обладает богатой многовековой письменной традицией, тогда как праскандинавский, общий источник скандинавских языков, известен лишь фрагментарно, по нескольким дошедшим до нас надписям, выполненным старшими рунами. В случаях, когда праязык не засвидетельствован, его можно реконструировать лишь частично на основе постоянно совершенствуемых исследовательских приемов сравнительно-исторического языкознания, дополняемых в случае необходимости методами внутренней реконструкции. Хотя данный термин иногда используют в самом широком смысле, я думаю, что он должен предполагать учет ряда функциональных чередований, действующих в рамках определенной синхронной системы; термин «внутренняя реконструкция» в данном контексте не следует рассматривать как синоним собственно лингвистической реконструкции в отличие от экстралингвистической [8, 10, 11, 13].

Проекция некоторых различий, свойственных ряду близкородственных языков (и диалектов), на их общую предисторию позволяет сделать вывод, что некоторые локальные изоглоссы, по-видимому, существовали и приобрели особую значимость в конечной фазе развития по существу еще однородного праязыка. Однако нет никаких оснований утверждать, что другие характерные черты не могли быть утрачены в каком-либо регионе праязыка на более ранней стадии его развития.

Возьмем два показательных примера. Звуковое изменение, известное как «германское передвижение согласных»: [p] > [f], [t] > [θ], [k] > [x]; [b] > [p], [d] > [t], [g] > [k], [bh] > [b], [dh] > [θ], [gh] > [g], было, по-видимому, не самым первым процессом, который отделил германский

от позднего праиндоевропейского. Однако оно принадлежало к самым ранним изменениям германской фонетической системы (фиксация ударения на первом слоге слова и некоторые изменения в системе гласных имели столь же важное значение и, по крайней мере частично, хронологически предшествовали передвижению согласных). Хотя германское передвижение согласных охватило позднее весь германский, мы никоим образом не можем быть уверены, что первоначально оно не затронуло лишь ограниченную область в рамках общегерманского языкового ареала, как это произошло впоследствии, когда имело место верхненемецкое передвижение, которое, как известно, не вышло за пределы области верхненемецкого. Точно так же можно показать, что в славянском первая (регрессивная) палатализация велярных ($[k], [g], [x] > [č], [ž], [x]$ перед гласными переднего ряда), которую можно сравнить с более ранним процессом, проходившим в индоиранском ($[kě], [gě], [khě], [ghě] > [cā], [jā], [chā], [jhā]$), распространилась по всему славянскому языковому ареалу. Однако и в этом случае мы не знаем, ограничилось ли данное изменение на ранней стадии праславянского лишь определенным славянским регионом или проходило непосредственно, аналогично второй (регрессивной) палатализации велярных ($[kě] > [cě]$ и т. д.) или третьей (прогрессивной), а, возможно, и более ранней так называемой бодуэновской палатализации ($[ik] > [ic/yc]$ и т. д.) [12, 13].

3. Оставляя в стороне проблему гипотетической ностратической группы отдаленно родственных языков и рабочую методiku, применяемую для реконструкции ностратического «предпраязыка» или некоторой его части, рассмотрим в самом общем виде индоевропейский и его доисторические стадии, восстанавливаемые с определенной степенью достоверности. Что же касается ностратической проблемы, то здесь следовало бы, возможно, только отметить, что хотя ранее полагали, что праностратический на значительной временной глубине лежит в основе как индоевропейских, так и уральских, алтайских, кавказских (точнее, картвельских), дравидских (точнее, эламодравидских), семитских и хамитских языков [14], ностратический, в соответствии с последними данными [15], охватывает и значительно большую группу языков Африки и Азии, язык-предок которых, названный праафроазиатским (Proto-Afroasiatic), включает семитские, египетские, берберские, кушитские, омотические и чадские языки.

Точка зрения, согласно которой все индоевропейские языки восходят в конечном счете к одному преимущественно однородному праязыку — праиндоевропейскому (эта концепция была выдвинута Ф. Боппом и А. Шлейхером, поддержана и развита младограмматиками и сторонниками сравнительно-исторического направления), подверглась серьезной критике Н. С. Трубецким в его известной, хотя и весьма дискуссионной статье, основные положения которой многими были восприняты как еретические [16]. В докладе Трубецкого, впервые представленном в 1936 г. на заседании Пражского лингвистического кружка, обсуждалась возможность рассмотрения праиндоевропейского не как однородного праязыка, лишь постепенно подвергающегося дифференциации и распаду, а как системы, которая хотя и лежит в основе всех индоевропейских дочерних языков, сама при этом является результатом вторичной конвергенции ряда менее тесно связанных языков. В терминах типологической характеристики Трубецкой был склонен признать, что индоевропейский структурный тип возник в процессе преодоления первичного флективного языкового типа, не достигнув, однако, полностью более развитой стадии агглютинативного языка. Особенно неприемлемым, по мнению многих, было его утверждение, что существование языковой семьи не обязательно предполагает происхождение всех входящих в ее состав групп от одного праязыка. По мнению Трубецкого, понятие языковой семьи, или генетического класса, просто обозначает группу языков, которые, наряду со структурными сходствами и схождениями, обнаруживают также значительное число материальных соответствий на уровне лексических и морфологических элементов, выражаемых регулярными фонологическими соответствиями. Иными словами,

Трубецкой считал возможной и более вероятной альтернативой допущение, что предшественники, или, точнее, праформы разных индоевропейских языковых групп первоначально обладали значительными различиями, но затем, в результате непрерывных контактов, взаимной интерференции и заимствований, сблизилась, не сливаясь, однако, полностью. По мнению Трубецкого, после фазы конвергенции наступил период дивергенции, который привел к последующей дифференциации различных групп индоевропейских языков. Здесь граница, отделяющая языковую семью от языкового союза, установленная впервые самим Трубецким [16, 17], оказывается несколько неожиданно размытой.

Точка зрения, согласно которой отдельные ветви индоевропейского можно непосредственно возвести к неким доисторическим группировкам «прединдоевропейского» или соотнести с ними на одно-однозначной основе, не может быть принята в настоящее время в такой прямолинейной форме. Концепция же, в соответствии с которой сам поздний праиндоевропейский может быть результатом длительного развития, включавшего как конвергентные, так и дивергентные процессы, не является, как кажется, лишенной основания и заслуживает дальнейшего рассмотрения. И хотя мы теперь склонны отвергать индо-хеттскую гипотезу в ее крайней формулировке [18—20], допускаяшей первоначальный раскол между праанатолийским и остальной частью индоевропейского (или собственно праиндоевропейским), мнение о раннем ответвлении или обособленном развитии анатолийской группы, лучше всего засвидетельствованной хеттским языком, тем не менее довольно широко распространено [21—24].

4. Переходя теперь к проблеме позднего праиндоевропейского, или индоевропейского эпохи распада, и исследуя ее в контексте взаимодействия противоположных процессов дивергенции (приводящей к дезинтеграции) и конвергенции (часто имеющей своим результатом реинтеграцию), рассмотрим в общих чертах проблему балто-славянского единства. Подводя итоги собственным размышлениям по данному вопросу, я недавно изложил свою позицию следующим образом: «Отдельные языковые типы, независимо от того, представляют ли они генетические языковые семьи, обязаны своим существованием сочетанию и порядку следования процессов дивергенции и конвергенции, двух противоположных направлений развития, которые иногда настолько тесно переплетаются, что их бывает трудно разъединить... Применение этого тезиса к самому раннему периоду развития славянского или, вернее, ко времени его вычленения из группы тесно связанных диалектов позднего праиндоевропейского со всей очевидностью показывает, что окончательное отделение славянского от его ближайшего соседа, балтийского (или, возможно, от его части), произошло лишь после длительного периода развития, в течение которого дивергентные тенденции чередовались с конвергентными процессами. Что касается хронологии, то распад общепольского (если действительно существовало некогда такое однородное языковое единство) наступил, вероятно, очень рано и, конечно, задолго до распада общеславянского во второй половине I тыс. н. э. Принимая также во внимание поразительно позднее появление балтийской письменности (не ранее ок. 1400 г. для древнепрусского и еще позднее для древнелитского и древнелатышского), представляется возможным, что, по крайней мере, некоторые из лексических параллелей и синтаксических сходжений между древнепрусским и литовским, с одной стороны, и славянскими (особенно польским и белорусским) языками, с другой, обязаны своим возникновением не некоей ранней балто-славянской этнолингвистической общности, а, скорее, могут объясняться вторичной конвергенцией и даже сосуществованием на одной территории или, во всяком случае, близким соседством как в доисторическую эпоху, так и в ранний исторический период (но до появления каких-либо балтийских языковых письменных свидетельств). Более того, изучая природу и происхождение балто-славянских языковых связей, даже такой эрудированный и осторожный ученый, как Х. Станг, одно время не исключал существования явлений, свойственных языковому союзу, объединяющих славянский не только с балтийским, но, возможно, и с доисторическим германским. Хотя,

как я уже отмечал в других работах, я не считаю, что балто-славянскую проблему следует рассматривать исключительно в свете изложенной выше концепции, не вызывает сомнения, что всегда следует учитывать возможность конвергентных процессов как фактора, лежащего в основе некоторых соответствий [6, с. 12—13].

Можно указать четыре конкурирующих (но частично совместимых, а, следовательно, в известной степени и сочетающихся) подхода к балто-славянской проблеме: а) допущение промежуточной фазы балто-славянского языкового единства, следовавшей за позднепраиндоевропейским и предшествовавшей отдельному развитию балтийского и славянского; б) гипотеза о раздельном, параллельном развитии славянского и балтийского после распада позднего праиндоевропейского; в) «моделирующий» подход, рассматривающий по сути дела абстрактную прабалтийскую модель в качестве отправной точки (или прототипа) также и для общеславянского; г) точка зрения, предполагающая наличие языкового союза, или, скорее, теория конвергенции, согласно которой многие балто-славянские соответствия обязаны своим возникновением в основном вторичным контактам и совместному проживанию носителей соответствующих языков на одной и той же территории. Некоторое время тому назад я предпочитал, с известными оговорками, рассматривать особые балто-славянские черты преимущественно в контексте подходов в) и г). Впоследствии, однако, я стал склоняться к динамической концепции, постулирующей одновременные и чередующиеся процессы дивергенции и конвергенции. После появления моей статьи [6] Г. Э. Майер [25], сторонник теории раздельного развития балтийского и славянского непосредственно из праиндоевропейского, утверждал, что достаточно различать два подхода (а именно, с одной стороны, раздельное, параллельное и, с другой, впоследствии конвергентное развитие). В своей предыдущей работе [26], однако, он фактически продемонстрировал преимущества «моделирующего» подхода. Несколько позднее другой сторонник концепции раздельного развития двух этих индоевропейских семей (допускающий вместе с тем и вторичную конвергенцию) решительно выступил против интерпретации общеславянского как «непротиворечивой модели», а не как живого языка [22, с. 13]. Ряд ученых повторяет в несколько измененных формулировках старые аргументы или выдвигает новые в защиту или теории балто-славянского единства, или концепции раздельного развития этих языков (допуская при этом последующую частичную конвергенцию). Идея первоначального балто-славянского единства в рамках теории распада позднего праиндоевропейского была недавно с существенными оговорками поддержана З. Голлом [27, 28]. Близка к этой точке зрения концепция, выдвинутая Стангом [29], тогда как несколько отличная, но не вполне однозначная позиция была позднее занята В. В. Ивановым [30]. На стороне тех, кто выступает против идеи раннего балто-славянского этнолингвистического единства, кроме О. Н. Трубачева [31, 22] и Майера, можно назвать Ф. П. Филина [32] и Ю. Удольфа [33]. В настоящее время я предложил бы рассматривать генетические связи между балтийским и славянским как результат в основном трех факторов: 1) раннего балто-славянского единства, по существу восходящего к балто-славянскому праязыку, который лучше всего рассматривать как диалект позднего праиндоевропейского; 2) последующей дивергенции и отделения двух ветвей индоевропейского, которым сопутствуют или за которыми следуют вторичные конвергентные процессы, сближающие по отдельности балтийский и особенно славянский с другими ветвями индоевропейского (особенно с индо-иранской, германской, италийской и кельтской, хотя и необязательно в указанном порядке) и 3) позднейшей, вторичной конвергенции между балтийским и славянским, которая предполагает совместное проживание или сосуществование на одной территории носителей соответствующих языков и мощную интерференцию между этими двумя языковыми группами, заимствование и взаимное влияние, направленное в основном от славянского к балтийскому. Данный процесс по времени совпадал, вероятно, с миграцией славян из первоначального ареала их расселения (или предполагаемой исконной ро-

дины, хотя последняя и остается предметом дискуссий) в глубь бывшей балтийской территории. Завершившийся до появления первых памятников балтийской письменности (т. е. до ок. 1400 г. н. э.), этот процесс продолжался, по всей вероятности, вплоть до периода ранней славянской письменности (IX—XIV вв.). Таким образом, из четырех возможных подходов к балто-славянской проблеме, приведенных выше, в настоящее время я отдал бы предпочтение сочетанию подходов а) и г), скорее чем в) и г), т. е. концепции, включающей как (раннюю) дивергенцию, так и (позднейшую) конвергенцию, причем последняя, по-видимому, предшествовала полному расколу между балтийским и славянским.

Скептически относится к проблеме балто-славянского языкового единства (или праязыка) Г. Пол [34]. Вместе с А. Зенном он считает, что только несколько черт, унаследованных от праиндоевропейского диалекта северо-восточного региона Европы, восходят к периоду до разделения прагерманского, прабалтийского, праславянского и, возможно, также праязыка, лежавшего в основе индоевропейского древнебалканского. Однако большинство соответствий между балтийским и славянским Пол объясняет ареально обусловленной интерференцией и взаимопроникновением этих двух ветвей индоевропейского в более позднее время. Поэтому он придает методам ареальной лингвистики и ареальной типологии гораздо большее значение, чем чисто генетическим соображениям.

5. Развитие праславянского языка, которое привело к его окончательному распаду на отдельные подгруппы и конкретные языки, не совершалось, как известно, последовательно и прямолинейно в виде ничем не возмущаемой дивергенции и непрерывного разветвления [6, с. 13—14; 35, 36; 37, с. 20—35; 38]. Так, совершенно очевидно, хотя бы на основании ряда поразительных фонетических процессов (особенно развития групп плавных), что диалекты общеславянского, которые лежат в основе чешского и словацкого языков, относящихся в целом к западнославянской группе, должны были на определенном этапе принимать участие в процессе развития, которое впоследствии привело к образованию южнославянских языков. В других случаях определенные изоглоссы или даже пучки изоглосс пересекали линии, разделяющие основные подгруппы славянских языков. Так, например, изоглосса, отражающая развитие общеславянских *Cl'C* и *CelC*, дает *ColC* > *ColoC* не только во всех восточнославянских языках, но и в небольшой северной части лехитских языков (кашубский). Интересно тройное развитие группы *tl, dl*: часть южнославянских языков северо-западного ареала (а именно часть словенских диалектов) сохраняет указанную группу, как это наблюдается в западнославянских языках, в то время как во всех южнославянских и в большинстве восточнославянских языков эта группа упрощается в *l* (регионально, в русских говорах псковской и некоторых других областей того же района ограниченным вариантом развития является изменение в *kl, gl*). В данной связи следует также отметить, что Мареш [40] несколько лет тому назад предложил заменить традиционное тройное деление славянских языков, получаемое на основании генетических (в первую очередь, фонологических) критериев, более адекватной, по его мнению, тетрахономической (или, точнее, двойной дихотомической: северные/южные vs. западные/восточные) классификацией современных славянских языков на основании как генетических, так и типологических соображений.

Переходя к рассмотрению некоторых явлений в современных славянских языках, остановимся еще на нескольких примерах, связанных с действием самых последних по времени дивергентных и конвергентных тенденций развития, противодействующих или уравнивающих друг друга [6, с. 14—24].

Исключительно ярким примером того, как язык или диалект, который сам был результатом процессов разветвления и последующего деления, может потом вновь интегрироваться единой языковой общностью, от которой он первоначально отделился, служит современный кашубский язык, который так и не достиг статуса полноправного славянского литературного языка, но который в настоящее время может быть назван самостоятельным

диалектом. Кашубский, которому одно время угрожала насильственная германизация, является единственным дошедшим до нас представителем западнолехитской, или поморско-полабской, ветви западнославянской группы, т. к. словинский язык, который, по мнению некоторых ученых, являлся лишь его диалектным вариантом, исчез в конце XIX в. Польский язык, единственный представитель восточной, или, точнее, юго-восточной лехитской группы, является ближайшим современным родственником кашубского.

Если обратиться теперь к южнославянскому ареалу, то следует отметить, что число нерегулярных процессов, не являвшихся прямолинейными и сочетавших дивергентные и конвергентные тенденции развития, а также перекрещивающихся явлений здесь даже больше, чем на славянском севере. Прежде всего рассмотрим проблему македонского языка. Как я уже писал [6, с. 18—20], хотя и не может быть, конечно, никакого сомнения в независимом статусе современного македонского как литературного языка, нет оснований допускать существование древнемакедонского (или даже среднемакедонского) в средние века или в начале новейшего периода. Другими словами, современный македонский вместе с современным болгарским восходит к древнеболгарскому языку (который в своем литературном виде известен как старославянский), хотя и на другой, а именно западной, диалектной основе. В этом отношении, следовательно, предистория македонского в общем аналогична предистории словацкого, за исключением того, что последний сложился как литературный язык к середине XIX в., тогда как македонский — лишь в середине двадцатого столетия. В то же время несомненно, что некоторые изоглоссы, характерные для обоих языков, — древнего, позднеславянского происхождения. Однако такие изолированные черты, как *dz* из праславянского *dj* (для словацкого и польского) или *o* как рефлекс праславянского *ъ* в определенной позиции (это явление объединяет македонский не только со старославянским, но со всеми восточнославянскими языками), сами по себе не являются достаточным основанием для выделения известных языковых подгрупп и идентификации отдельных языков.

В данном контексте еще больший интерес представляет современный сербскохорватский язык. Совершенно очевидно, что то, что до сих пор рассматривается в сущности как один язык, хотя и в двух равноправных стандартных вариантах (сербский и хорватский), является конечным результатом длительного и сложного процесса исторической эволюции, включавшего моменты и конвергентного, и дивергентного развития, особенно на диалектном уровне. Так, общепризнано, что кайкавский диалект сербскохорватского языка был первоначально близок к раннесловенскому языку или, скорее, к предсловенскому языковому единству. Его интеграция с сербско-хорватским является следствием вторичного развития, включающего как дивергенцию (от основной части словенского), так и конвергенцию (с хорватским компонентом сербскохорватского). Точно так же торлацкий диалект, признанный в настоящее время четвертым диалектом сербскохорватского наряду со штокавским (с которым его раньше объединяли), чакавским и кайкавским и являющийся в то же время членом балканского языкового союза, впоследствии отошел от основного направления, по которому шло развитие сербскохорватского, и приобрел ряд специфических черт, которые сближают его с болгарским (и македонским). Кроме того, многое говорит в пользу допущения, что и основные диалекты сербскохорватского языка являются не столько «веточками» одной и той же ветви, сколько самостоятельными языковыми ветвями (возможно, отражающими различные миграционные пути прошлого), которые лишь позднее сблизились, т. е. подверглись конвергенции, не слившись, однако, полностью.

6. Перейдем теперь к другой индоевропейской языковой ветви и рассмотрим соответствующие аспекты германской группы языков. С генетической точки зрения германские языки по традиции делятся на три подгруппы: западногерманскую, северногерманскую (или скандинавскую, называемую иногда и северной) и восточногерманскую. Как и в случае со славян-

скими языками, здесь также предлагалось и другое деление: например, считали, что прагерманский первоначально распался только на две группы — западногерманскую и северогерманскую, причем от последней позднее отделилась восточногерманская группа, представленная главным образом готским языком (это связывается с предполагаемым скандинавским происхождением готов и других восточногерманских племен).

Что касается положения готского среди других германских языков, то его взаимоотношения с северногерманской и западногерманской подгруппами уже давно являются предметом дискуссии, и разные ученые по-разному оценивают отдельные изоглоссы, связывающие готский с той или иной частью германской этнолингвистической общности. До сих пор, однако, не подвергался сомнению тот факт, что готский является основным и единственным письменно зафиксированным представителем восточногерманской подгруппы (независимо от того, восходит ли данная подгруппа непосредственно к прагерманскому или она образовалась в результате вторичной дивергенции северногерманского на прасеверный и восточногерманский). Недавно высказанная В. Маньчаком мысль о происхождении готов с самого юга древней Германии мной не разделяется; моя дискуссия с Маньчаком на эту тему ведется в другой работе.

Что касается северногерманской (скандинавской) группы языков, то хотя она, по-видимому, достаточно четко определена в терминах локализации и идентификации, следует все же отметить, что ее специфические языковые связи с восточногерманской (готским) и западногерманской группами очень сложны и еще не исследованы полностью. Следовательно, отдельные детали взаимоотношений между северной и двумя другими ветвями германского также остаются дискуссионными [см. 41].

Что касается деления скандинавских языков на подгруппы, то можно привести несколько интересных примеров взаимодействия дивергенции и конвергенции как факторов языкового развития, используя данные генетической классификации этих языков и их письменно зафиксированной истории. Как известно, древнескандинавские языки делятся на две основные группы: западноскандинавскую (norrøn), в которую входят древнеисландский и древненорвежский (включая фарерский, т. е. слегка измененный древненорвежский, т. к. фарерский как более или менее развитый литературный язык сложился только в конце XVIII в.), и восточноскандинавскую, состоящую из древнедатского, древнешведского и древнегютнического, первоначально существовавшего в виде отдельного языка (на нем говорили и писали на острове Готланд). Начнем с того, что древнегютнический в свое время, еще в период средневековья, объединился с древнешведским, причем современный гутнический диалект шведского языка, отличаясь архаическим характером, сохраняет четко выраженные дифференциальные признаки вплоть до настоящего времени.

Важнее, однако, тот факт, что один из двух норвежских литературных языков, получивший более широкое распространение вследствие многовекового датского правления в Норвегии — bokmål, ранее носивший название riksmål (другим литературным языком является nynorsk, ранее известный как landsmål), — является своеобразным датско-норвежским конгломератом: его фонологическая система в значительной степени приспособлена к местным нормам произношения, а грамматическая структура и сегодня близка к структуре современного датского. Более того, сам датский язык, испытавший влияние нижненемецкого и других языков, постепенно утрачивает близкородственные отношения с литературным шведским языком, тогда как южношведский диалект провинции Сконе, долго находившейся под датским правлением, продолжает сохранять много соответствий и сходных черт с датским (особенно с говором острова Шелланд) в звуковой системе, морфосинтаксисе и лексике. Современный норвежский также имеет некоторые общие черты со шведским языком, причем наиболее поразительными среди них являются смягчение велярных ($[k] > [x]$, $[g] > [j]$) перед гласными переднего ряда и музыкальное ударение (акцент I vs. акцент II). Историческим и функциональным аналогом последнего в датском является stød, смычка голосовых связок, свойствен-

ная данному языку. Вследствие этого некогда четкое деление скандинавских языков на западные и восточные в настоящее время стерто или, вернее, затемнено рядом черт, сделавших это разграничение фактически несущественным.

7. Обратившись, наконец, к языковой группе, которая определяется на основе прежде всего типологических, а не генетических критериев (как это было в случае с индоевропейским, балто-славянской и германской группами), рассмотрим теперь в общих чертах языки, которые принято называть балканскими, в связи с тем, что они входят в так называемый балканский языковой союз. Как известно, в состав балканского языкового союза входят болгарский, македонский, торлацкий диалект сербскохорватского (остальные диалекты сербскохорватского связаны с балканским языковым типом только по периферии [42, 43]), албанский, румынский и новогреческий. Из этих языков румынский и новогреческий рассматриваются иногда как более периферийные по сравнению с основными балканскими языками — болгарским, македонским, торлацким диалектом сербскохорватского языка (так называемый «балканский славянский») и албанским. Турецкий язык, хотя он и сыграл важную роль как фактор, способствующий процессам интеграции на Балканах (особенно благодаря его проникновению в лексику балканских языков: в этой роли его можно сравнить с поздней латынью первых столетий н. э. на Балканском полуострове [44, с. 64—170]), в структурном отношении не является балканским языком, как и его гагаузский диалект, встречающийся в особенности в Болгарии. Нет полной уверенности и в том, что такая глагольная категория болгарского, македонского и торлацкого диалекта, как нарратив, а также аналогичные или подобные грамматические средства глагольной системы румынского (презумптив) и албанского (результатив, адмиратив), которые часто приписывают османскому влиянию [44, с. 173—174], действительно имеют своим источником турецкий язык.

Рассматривая балканские языки в терминах дивергентных и конвергентных тенденций развития, следует отметить, что если в развитии генетически родственных языков доминирующей является в основном дивергенция, а конвергенция действует как нерегулярный (или, по крайней мере, менее регулярный) фактор, то при возникновении и формировании такого языкового союза, каким является балканский, взаимосвязь и взаимодействие дивергенции и конвергенции становятся обратными. Это, в частности, находит выражение в термине «область конвергенции», употребляемом в том же или почти в том же значении, что и термин «языковой союз», поскольку, очевидно, конвергенция является предпосылкой языкового выравнивания, объединения и взаимного приспособления. В то же время здесь необходимо подчеркнуть, что хотя конвергенция действительно является важнейшим фактором формирования балканского языкового союза, входящие в него языки, которые представляют различные группы и подгруппы определенных языковых семей, также подвержены дивергентным тенденциям развития [45]. Это относится как к языкам, которые являются единственными сохранившимися представителями определенной индоевропейской ветви (например, греческий или албанский), так и к языковым семьям, большинство членов которых не входит в состав балканского языкового союза (например, румынский как самая восточная подгруппа романских языков). Другими словами, во всех этих языках можно наблюдать одновременное (или, лучше сказать, сопутствующее) развитие, направленное как к большему структурному (типологическому) сходству с другими балканскими языками, так и к большему их разнообразию (если этому не препятствуют другие конвергентные процессы в пределах отдельных языковых семей). Так, не все черты, отличающие, например, румынский от остальных романских языков или болгарский от славянских, можно рассматривать как балканизмы [46].

Наконец, следует упомянуть в этой связи, что характерные особенности балканского языкового союза не только проявляются на «поверхности» языковой структуры, но обладают также своим собственным «глубинным» измерением. Иллюстрацией данного положения могут служить следующие

явления: 1) замена синтетических средств выражения аналитическими в склонении, т. е. распад и полное разрушение падежной системы (в конечном счете унаследованной от индоевропейского) и, в частности, ранний синкретизм генитива/дativa; 2) постпозитивный артикль (хотя он и не встречается в новогреческом); 3) описательное будущее время со вспомогательными глаголами (частично отраженными в виде «окостеневших» частиц) с изначальным волитивным (а также притяжательным) значением, т. е. конструкции с глаголами типа *volo* и *habeo*, восходящие к разговорным постклассическим греческому и латинскому; 4) утрата инфинитива и его замена подчинительными предложениями с личными формами глагола — явление, распространяющееся и за пределы балканского языкового ареала (особенно в сербскохорватском, где оно постепенно охватывает и хорватский литературный язык); 5) так называемая редупликация объекта, предполагающая как бы плеонастическое (но фактически не полностью избыточное) употребление клитической формы личного местоимения при одушевленном объекте [47].

8. В заключение следует отметить, что понятия дивергенции и конвергенции не являются, конечно, новыми в историческом языкознании. В явной или скрытой форме они признаны в качестве решающих факторов большинства процессов, связанных с языковым развитием и изменениями в языке. Но конкретная роль, которую играют эти две противоположные тенденции в развитии генетически родственных и типологически сходных языков, обладающих общей судьбой в том или ином ареале, и в особенности сложный механизм, определяющий взаимоотношения и часто неустойчивое равновесие данных тенденций, их одновременное или последовательное действие — все эти факторы еще нуждаются в дальнейшем изучении и адекватном понимании. Подвергнув критическому рассмотрению ряд примеров дивергенции и конвергенции в различных языках и языковых группах, я пытался по мере возможности способствовать углублению знаний в данной области и лучшему пониманию природы и функций указанных факторов. Именно эти факторы определяют постоянную, непрерывную динамику развития языка как в синхронии, так и в диахронии.

Перевела с английского Сизова И. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andersen H. Abductive and deductive change.— *Language*, 1973, v. 49.
2. Birnbaum H. Ongoing sound change and the abductive model: Some social constraints and implications.— In: *Proceedings of the Ninth Congress of Phonetic Sciences*. Copenhagen, 6—11 August 1979. V. 2. Copenhagen, 1979.
3. Weinreich U. On the compatibility of genetic relationship and convergent development.— *Word*, 1958, v. 14.
4. Schaller H. Neue Überlegungen zum Begriff des Sprachbundes und seiner Anwendung auf die Balkansprachen.— In: *Ziele und Wege der Balkanlinguistik*. Hrsg. von Reiter N. Berlin — Wiesbaden, 1983, S. 213—214.
5. Birnbaum H. Typology, genealogy and linguistic universals.— *Linguistics*, 1975, v. 144.
6. Birnbaum H. The Slavonic typological language community as a genetic and typological class.— *Die Welt der Slaven*, 1982, Bd. 27.
7. Birnbaum H. Language families, linguistic types, and the position of the Russian microlanguage within Slavic.— *Die Welt der Slaven*, 1983, Bd. 28.
8. Birnbaum H. Linguistic reconstruction: Its potentials and limitations in new perspective. Washington, 1977.
9. Birnbaum H. On protolanguages, diachrony, and «preprotolanguages» (Toward a typology of linguistic reconstruction).— In: *Езиковедски проучвания в чест на акад. В. И. Георгиев*. София, 1980.
10. Kurylowicz J. On the methods of internal reconstruction.— In: *Proceedings of the Ninth International Congress of linguists*. Ed. by Lunt H. G. The Hague — Paris, 1964.
11. Birnbaum H. Problems of typological and genetic linguistics viewed in a generative framework. The Hague — Paris, 1970.
12. Журавлев В. К. К проблеме балто-славянских языковых отношений.— *Baltistica*, 1968, вып. 4, с. 89, 170, 173—175.
13. Birnbaum H. O możliwości utworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej (Kilka uwag o stosunku różnych podejść).— In: *American Contributions to the Seventh International*

- Congress of Slavists. V. 1: Linguistics and Poetics. Ed. by Matejka. L. The Hague — Paris, 1973, p. 43—44.
14. Ностратические языки и ностратическое языкознание: Тезисы докладов. М., 1977.
 15. Bomhard A. R. Toward Proto-Nostratic: A speculative reconstruction of the parent language of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. Amsterdam — Philadelphia, 1983.
 16. Trubetzkoy N. S. Gedanken über das Indogermanenproblem.— *Acta linguistica*, 1939, № 1.
 17. Trubetzkoy N. S. Proposition 16.— In: *Actes du Premier congrès international de linguistes*. Leiden, 1928—1930.
 18. Sturtevant E. H. The Indo-Hittite laryngeals. Baltimore, 1942.
 19. Sturtevant E. H. The Indo-Hittite hypothesis.— *Language*, 1962, v. 38.
 20. Cowgill W. More evidence for Indo-Hittite: the tense-aspect systems.— In: *Proceedings of the Eleventh International Congress of linguists*. Ed. by Heilmann L. V. II. Bologna, 1975.
 21. Schmid W. P. Das Hethitische in einem neuen Verwandtschaftsmodell. In: *Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens*. Hrsg. von Neu E. und Meid W. Innsbruck, 1979.
 22. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики.— *ВЯ*, 1982, № 4—5.
 23. Adrados E. R. The archaic structure of Hittite: the crux of the problem.— *The Journal of Indo-European Studies*, 1982, v. 10, № 1.
 24. Benveniste É. The classification of languages.— In: *Benveniste É. Problems in general linguistics*. Coral Gables (Florida), 1971.
 25. Mayer H. E. Die Divergenz des Baltischen und des Slavischen.— *ZSlPh*, 1978, Bd. 40.
 26. Mayer H. E. Kann das Baltische als das Muster für das Slavische gelten? — *ZSlPh*, 1977, Bd. 39.
 27. Gotčb Z. Stratyfikacja słownictwa prasłowiańskiego a zagadnienie etnogenezy Słowian.— *Rocznik slawistyczny*, 1977, t. 38.
 28. Gotčb Z. The ethnogenesis of the Slavs in the light of linguistics.— In: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. V. 1. Linguistics*. Ed. by Flier M. S. Columbus (Ohio), 1983.
 29. Stang C. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
 30. Иванов В. В. К пространственно-временной интерпретации балто-славянского диалектного континуума.— В кн.: *Балто-славянские исследования*. 1980. М., 1981.
 31. Трубачев О. Н. Реплика по балто-славянскому вопросу.— В кн.: *Балто-славянские исследования*. 1980. М., 1981.
 32. Филин Ф. П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков.— *БЯ*, 1980, № 4, с. 38—39.
 33. Udolph J. Studien zu den slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979, S. 637—639.
 34. Pohl H. D. Die balto-slavischen Einheit areal gesehen.— In: *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1982, Bd. 28.
 35. Birnbaum H. On some problems of Common Slavic dialectology.— In: *International Journal of Slavic linguistics and poetics*, 1965, v. 9.
 36. Birnbaum H. The dialects of Common Slavic.— In: *Ancient Indo-European dialects*. Ed. by Birnbaum H. and Puhvel J. Berkley — Los Angeles, 1966.
 37. Birnbaum H. Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslavischen (Über die Relativität der Begriffe Baltoslavisch/Frühurslavisch und Spätgemeinslavischer Dialekt/Ureinzelslavine).— *ZSlPh*, 1971, Bd. 35.
 38. Birnbaum H. Über unterschiedliche Konzeptionen der slavischen Ursprache und ihrer mundartlichen Gliederung (Entgegnung zum Diskussionsbeitrag E. Weiher's).— *Anzeiger für slavische Philologie*, 1974, Bd. 7.
 39. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков.— В кн.: *Исследования по славянскому языкознанию*. Под ред. Толстого Н. И. М., 1961.
 40. Mareš F. V. Die Tetrachotomie und doppelte Dichotomie der slavischen Sprachen.— In: *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1980, Bd. 26.
 41. Haugen E. The Scandinavian languages: An introduction to their history. Cambridge (Mass.), 1976.
 42. Birnbaum H. Balkanslavisch und Südslavisch: Zur Reichweite der Balkanismen im südslavischen Sprachraum.— *Zeitschrift für Balkanologie*, 1965, Bd. 3.
 43. Smitć R. Das Serbokroatische zwischen den balkanslavischen Sprachen und den übrigen Slaven.— *Zeitschrift für Balkanologie*, 1982, Bd. 18.
 44. Solta G. R. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980.
 45. Reiter H. Balcanologia quo vadis? — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1981, Bd. 17.
 46. Schaller H. Das Bulgarische und seine Bedeutung für die Balkanphilologie.— *Linguistische balkanica*, 1983, v. 26, № 2.
 47. Birnbaum H. Tiefen- und Oberflächenstrukturen balkanlinguistischer Erscheinungen.— In: *Ziele und Wege der Balkanlinguistik*. Hrsg. von Reiter N. Berlin—Wiesbaden, 1983.